

An impressionist painting by Ekaterina Ruzhitskaya. The scene depicts a woman in a red dress and a light-colored hat standing in a lush, colorful field. The brushwork is thick and textured, with a vibrant palette of greens, yellows, oranges, and blues. The overall style is characteristic of Impressionism, focusing on light and color over fine detail.

Екатерина

Ружитский

Прощайте, колибри,
Хочу к воробьям!

Екатерина Николаевна Вильмонт

Прощайте, колибри, хочу к воробьям!

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6059833

Прощайте, колибри, Хочу к воробьям!/ Екатерина Вильмонт: АСТ;

Москва; 2013

ISBN 978-5-17-079234-4

Аннотация

Героиня романа Евгения Истомина возвращается в Москву из Америки, что называется, с разбитым сердцем и к разбитому корыту. Волею случая к ней на некоторое время попадает чужой черный кот, и он начинает странным образом влиять на ее дальнейшую жизнь...

Содержание

Часть 1

5

Конец ознакомительного фрагмента.

68

Екатерина Вильмонт

Прощайте, колибри, хочу к воробьям!

© Вильмонт Е.Н., 2013

© ООО «Издательство АСТ», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Часть 1

Соло

– Константин Петрович, – начала секретарша.

– Марина, все завтра, я уже опаздываю.

– Я только хотела передать мои поздравления Петру Николаевичу.

– Непременно! – улыбнулся шеф. – Все, меня нет!

Отец ненавидит непунктуальность, и опаздывать к нему, тем более в день рождения, нельзя.

День рождения отца, которому сегодня стукнуло шестьдесят шесть, они давно уже праздновали вдвоем. Мама умерла десять лет назад, а ее родню отец не жаловал. Как, впрочем, и сам Константин Петрович. Они оба любили в этот день посидеть в хорошем ресторане, никуда не торопясь. С отцом можно говорить обо всем, можно спросить совета практически по любому вопросу.

Он подъехал к ресторану на такси за две минуты до назначенного времени. И поздравил себя с этим. По крайней мере выговора не будет.

– О, Костя! – Отец стоял возле гардероба, приглаживая густые не по возрасту волосы.

Они обнялись.

– Что это у тебя в коробке? – любопытствовал отец.

– Подарок, папа.

– Что за подарок?

– Пошли сядем, там и посмотришь.

Из недавней поездки в Лондон он привез отцу роскошный шерстяной халат. Отец любил такие вещи.

«А он еще хорош, – подумал Константин Петрович. – Как говорится, мужчина хоть куда».

Отец и в самом деле обрадовался подарку.

– Спасибо, сын. Выглядишь усталым.

– Да мотаюсь, папа. А ты цветешь!

– Потому что не мотаюсь, а просто работаю.

– Папа, своя фирма – это...

– Понимаю, накладывает определенные обязательства.

Ну, рассказывай.

– Знаешь, пап, как-то нечего рассказывать. Текучка.

– А как твоя красотуля?

– Которая?

– Даже так? Ну, такая роскошная блонда, с ногами от ушей?

– Ох, папа, редкая сука.

– Костя, разве можно так о даме?

– Знаешь, что эта падла сделала?

– И что же? – иронически вздернув бровь, осведомился

Петр Николаевич.

– Я должен был улететь в Гонконг, это была чрезвычайно, подчеркиваю, чрезвычайно важная поездка. И эта лярва

прекрасно все знала. Вдруг она звонит мне в день отлета и, что называется кровь из носу, требует встречи. И назначает эту встречу в кафе, где мы частенько бывали, аккурат за два часа до отъезда в аэропорт. Ну, я подумал, это даже неплохо, взял чемодан и сию, жду ее. Является, вся такая красивая, нежная, и вдруг говорит: «Костя, я выхожу замуж!» Ну что ж, вольному воля, отвечаю. «Ты на мне не женишься, а мне нужна семья...»

– В принципе девушка не так уж не права, – заметил отец.

– погоди! Я спрашиваю, за кого. «А тебе не все равно? Мне надоело быть просто любовницей» Ну что ж, говорю, как угодно даме. Она, видимо, ждала какой-то другой реакции и разозлилась. А я спрашиваю: «Ты и вправду замуж выходишь, или это попытка шантажа?» Она вспыхнула и протянула мне руку, а на руке браслетка с бриллиантами. «Вот! Это подарок жениха!» – «Поздравляю, это ведь именно то, к чему ты всегда стремилась?» – «Ты никогда меня не любил!» – «А я разве когда-нибудь клялся в любви?» Она как зашипит: «Ты гнусный циник! Холодный и подлый!» Вскочила и убежала.

– Ну, нормально. Хоть ты и вел себя все-таки по-хамски, сын!

– Это, папа, еще не все! Она убежала, а ко мне подходит охранник кафе с большой сумкой. Мол, вам просили передать. А из сумки мяуканье! Можешь себе представить, она притащила в кафе Пафнутия! И что мне с ним, спрашивает-

ся, делать? У меня самолет в Гонконг, а я остался с котом на руках.

– Привез бы ко мне.

– Времени уже ни на что не было. Вот подлая баба!

– И как же ты вышел из положения?

– Стал умолять официантку подержать его у себя неделю, а она комнату снимает, и хозяйка не потерпит... Но иногда случаются чудеса. Вдруг ко мне подходит женщина и предлагает взять Пафнутия.

– Ты отдал?

– А что мне оставалось? Отдал. Отвез до дома, связал ее с Сашей...

– Кто такой Саша?

– Это чудесный парень, торгует звериными кормами на Ленинградском рынке. Он мне корм и все необходимое раз в неделю доставляет на дом и просто обожает моего Пафнутия. Даже повесил его фотку в своем магазинчике. Ну я попросил его снабдить Пафнутия кормом и уехал.

– Как интересно! А Пафнутий?

– Знаешь, он как-то сразу принял эту женщину. Пошел к ней на руки, песни пел...

– А что за женщина?

– Да ничего интересного. Лет под сорок, глаза какие-то затравленные, что ли... И квартира у нее странная. Почти пустая, только подушки на полу...

– А как хоть ее зовут?

– Женя. А больше ничего не знаю. Когда я вернулся за Пафнутием, она спросила, не соглашусь ли я оставить его у нее. Я, естественно, отказался.

– Да, история... И как же ты теперь будешь? Или новую красотулю завел?

– Да боже избави! Папа, мне уже сорок два.

– И что? Хочешь сказать, что уже импотент?

– Отнюдь! Но в дом я больше баб не пускаю. Я договорился с консьержкой, что она будет брать Пафнутия к себе, она живет в нашем дворе.

– Бедный кот! Может, лучше было оставить его той Жене?

– Папа, ты же знаешь, как я люблю Пафнутия. С какой стати?

– Ты страшный эгоист, мой мальчик. Если б ты любил своего кота, то оставил бы его Жене. Навещал бы его, а там, глядишь, и понял бы, что женщина не обязательно гламурная киска. Меня вот ее поступок впечатлил. А кто она по профессии, ты хотя бы знаешь?

– Она как-то невнятно ответила на этот вопрос. Сказала, что недавно вернулась из Америки. А там... кажется, что-то связанное с музыкой, что ли. Я не запомнил.

– То есть вполне интеллигентная дама?

– Ну вроде...

– О, тогда это не твой кадр. Тебе нравятся безмозглые и хамоватые. Меня огорчает перспектива...

– Какая перспектива?

– Твоя. Ты стареешь, и твои безмозглые киски по закону жанра должны становиться все моложе, а поскольку ты парень не бедный, то недостатка в этих кисках у тебя не будет. Грустно, сын мой!

В перспективе – жалкий мышиный жеребчик.

– Да ладно, папа, давай лучше поговорим о тебе.

– Давай! – засмеялся Петр Николаевич. – Да, кстати, мне подарили два билета в Большой зал на концерт Башмета. Пойдем?

– Когда?

– Завтра.

– А пошли! Сто лет не был в Большом зале. И Башмета люблю.

– Ты все-таки не безнадежен, Костик! Кстати, на концерте я хочу познакомить тебя с одной дамой...

– С твоей дамой?

– Да. И я намерен на ней жениться.

– Ух ты! Молодец!

– Надеюсь, ты не станешь возражать?

– Папа! О чем ты? Я как раз подумал, когда увидел тебя: а он еще хоть куда! А что за дама?

– Ей сорок восемь, она умна, красива и, кажется, любит твоего старика. Она искусствовед. Читает курс в Париже, одним словом, весьма достойная женщина и к тому же восхитительно готовит!

– А как ее зовут?

– Помнишь, «А эту зиму звали Анна»?

– Значит, Анна! И что, папа, будет свадьба?

– Не смейся меня. Просто распишемся и полетим в Ниццу.

– Элегантно!

– Кстати, у нее тоже есть кот. Огромный рыжий мейнкун по кличке Штраус.

– Опа! А какой Штраус имелся в виду – Иоганн или Рихард? – засмеялся Константин.

– Я не интересовался. А ты вот завтра и спросишь.

– Папочка, я тобой горжусь! Давай выпьем за тебя. Я знаю, ты терпеть не можешь тосты, но сегодня один разок можно! И, знаешь, я никогда не ел таких вкусных цыплят табака. Прелесть просто!

– Молодец, сын! Сразу снизил пафос! У тебя все-таки есть вкус. Если речь не идет о женщинах.

Иногда ранним утром, спросонья, мне чудится, что за окном шумит океан. Но тут же я вспоминаю, что это вовсе не океан, а Москва. И когда вижу свою практически пустую квартиру, где ни одна вещь ни о чем мне не напоминает, у меня становится хорошо на душе. Я освободилась! Поначалу думала отправить кое-что из вещей пароходом, но потом решила – ну их! С нуля так с нуля! Единственное, что я привезла с собой, – это документы и ноутбук. Даже тряпок не взяла, только то, что на мне, и смену белья.

Я летела из Сан-Франциско через Франкфурт, где остано-

вилась на два дня у подружки, с которой еще училась в консерватории. Там я накупила два чемодана одежды на разные случаи жизни. Два дня мы с Лизой, высунув язык, носились по Цайлю – она живет неподалеку. Цайль – самая торговая улица Франкфурта. И теперь мне есть что надеть. И ни одна вещь ни о чем не напоминает, кроме бешеной гонки по Цайлю, а это было весело. И в квартире тоже нет ничего такого... Впрочем, тут вообще ничего, считай, нет. Прямо из аэропорта Шереметьево я попросила водителя поехать в магазин ИКЕА, где купила все необходимое на первое время, чтобы есть, спать и сидеть. К счастью, в квартире, которую я пятнадцать лет сдавала, теперь есть кухонные шкафы, холодильник, стиральная машина и посудомойка. И всегда были стенные шкафы. Разумеется, стоимость техники и кухонных шкафов была удержана из платы за квартиру, но я была счастлива, что хоть об этом не надо думать. И ремонт сделан. Помню, водитель, который затащил мне в квартиру чемоданы и покупки, покачал головой и сказал:

– Надо же, сроду такого не видал – чтоб из Шарика сразу за такими покупками...

– Из какого Шарика? – не поняла я.

– А Шереметьево теперь так зовут.

– А!

Я щедро с ним расплатилась, и он сказал:

– Слышь, Евгения, если тебе что понадобится, звони!

– Спасибо, непременно!

И я принялась наводить уют в пустоте. Я теперь спала на широкой надувной кровати, вместо диванов и кресел у меня были подушки, которые можно как угодно компоновать. Через неделю я обзавелась телевизором, купила еще кое-что из посуды, несколько ваз и... зажила!

В первые же дни в Москве я разослала свое резюме. Однако пока ничего стоящего не предлагали. К счастью, кое-какие деньги у меня есть, и я могу не торопиться. В конце концов, два диплома – Московской консерватории и юрфака МГУ плюс свободный английский, плюс неоценимый опыт и связи успешного импресарио – это не жук начихал. Если в течение двух месяцев ничего интересного мне не предложат, я начну действовать самостоятельно. Предложу свои услуги в качестве импресарио какому-нибудь талантливому, но не слишком успешному музыканту и попробую его раскрутить... Один раз и без всякого опыта мне это удалось. И как удалось! Правда, тогда у меня была настоящая цель, ради которой я жертвовала всем. Но теперь у меня есть опыт, профессионализм, связи, которых тогда не было.

И холодное сердце... Это даже хорошо. Интересно, оно навсегда остыло?

Я возвращалась домой из магазина. У лифта стояла какая-то женщина. Незнакомая. Вообще в подъезде мне не встретилось пока ни одного знакомого. И меня это радовало. Женщина оглянулась. Она была молодая и очень красивая.

– Тетя Женя?! – вдруг воскликнула она.

– Да... – растерялась я.

– Не узнаете? – улыбнулась она. – Я Вика, не узнали, надо же! А я вас сразу...

– Боже мой, Вика? Малышка Вика? Ничего себе ты выросла! И какая красивая!

– Тетя Женя, вы вернулись?

– Да.

– Насовсем?

– Насовсем.

В этот момент подошел лифт. Мы жили на одном этаже. И когда я уезжала, Вика была прелестной маленькой девочкой...

– Ой, тетя Женя, как я рада! Я вас часто вспоминала.

– Вика, а ты здесь живешь? Что-то я ни разу никого из ваших не видела?

– Нет, тетя Женя. Мы сдаем квартиру, вот, за деньгами приехала.

– Может, зайдешь?

– Ой, я с удовольствием! Только поговорю с жильцами и сразу к вам. Ну надо же...

Я обрадовалась. Семья Вики – на редкость славные люди, мы дружили по-соседски... Викина бабушка в годы, когда ничего нельзя было купить, частенько заходила со словами: «Жень, я тебе очередь за яйцами заняла. Бежим!» или «Жень, тебе оливковое масло нужно? В рыбном дают, только

тары у них нет. У тебя небось есть пустые бутылки?» А когда я вышла замуж, она подарила мне на свадьбу набор тефлоновых сковородок. По тем временам роскошь неслыханная...

Я быстренько выгрузила покупки, достала из морозильника мороженое. Помню, Вика обожала мороженое...

А вот и она!

– Вика, заходи! Мороженое будешь?

– Ой, конечно, буду! Вы помните, да?

– Помню. Ты такая красивая стала. Ну, что у вас? Рассказывай! Бабушка жива?

– Нет, бабушка уж десять лет как умерла.

А мама с папой развелись через год после бабушкиной смерти. Папа ушел к другой. А мама... сначала чуть с собой не покончила, а потом взялась за ум и открыла брачную контору.

– Да ты что!

– Ну, она же опытный психолог, у нее получилось. И себе мужа нашла...

– А тебе?

– А я замуж не спешу. Неинтересно мне замуж. Как погляжу на замужних подруг, тоска берет! Я окончила журфак, теперь на телевидении работаю.

– Тебе это нравится?

– Да! Я всегда об этом мечтала.

– Значит, ты телестар?

– Нет, я редактор. Ну а вы, тетя Женя? Почему вернулись?

– Да много причин. И очень по Москве соскучилась.

– А как Антон?

– О, у него все прекрасно!

– Я знаю, он теперь такой знаменитый. Не женился?

– Женился.

– И кто она?

– Да никто. Просто красивая жена.

Вика внимательно на меня посмотрела и сказала только:

– Понятно! Ой, тетя Женя...

– Вика, пожалуйста, называй меня просто Женя, а то когда такая взрослая женщина говорит мне «тетя», я чувствую себя замшелой старухой!

– Хорошо, Женя! Знаете, Женя...

– И говори мне «ты»!

– Здорово! Знаешь, Женя... Надо же, получается! Женя, тебе надо срочно поменять прическу! И вообще...

– Что?

– Имидж надо менять!

– Легко сказать! А на что менять? Шило на мыло?

– Вы не правы... То есть ты, Женя, не права! Я работаю на проекте, где как раз этим занимаются. У нас классные стилисты. Могу устроить. Будешь как новая!

– Вика!

– Что Вика? – страшно воодушевилась девушка. – Ты не представляешь, какие к нам на программу иногда монстры приходят, умереть, не встать! А уходят такими красоточ-

ками! А у тебя все есть – лицо, фигура, из тебя там просто конфетку сделают! Хочешь, на программу тебя протырю?

– Да боже упаси!

– Я так и думала! Да и одета ты вполне... Просто немножко лоск навести, постричь, подкрасить – и будет просто улет! А мама тебя, глядишь, и замуж выдаст!

– О нет, благодарю, этого не нужно! – засмеялась я.

А Вика вдруг вытащила из кармана телефон.

– Алло, мам!

– Привет передавай! – шепнула я.

– Мамуль, знаешь, у кого я в гостях? В жизни не угадаешь!

У тети Жени! Как у какой?

У Истоминой! Да! Вернулась! Сейчас! – Она протягивала мне телефон.

Я вдруг обрадовалась.

– Алло, Машуня!

– Ой, Женька, это и вправду ты? Как я рада!

– Маш, а Вика какая красotka стала, глаз не оторвать!

– Она еще не требует от тебя смены имиджа?

– Уже! И я даже думаю согласиться!

– Соглашайся, Жень! Это и вправду круто! Но прежде всего в субботу мы ждем тебя в гости! У нас шикарная новая квартира и вообще... Смертельно хочу тебя видеть! Пока ни о чем не спрашиваю, все при встрече. Вика даст тебе адрес, и в субботу ждем тебя к обеду! Жаль, что муж в отъезде.

Я испеку твои любимые пирожки с мясом!

Я чуть не расплакалась. Она помнит... И мне вдруг стало легко и уютно в родном городе, практически впервые за два месяца.

– Скажи, Анюта, тебе понравился мой сын? – любопытствовал Петр Николаевич.

– Интересный мужчина. Только мне его жаль.

– Жаль? Почему?

– Понимаешь, он какой-то эмоционально опустошенный. Он вообще способен любить?

– Любить? В каком смысле?

– Да влюбом.

– Разумеется. Он, я уверен, любит меня.

– Пожалуй, но любовь к отцу – это особ статья.

– Он безумно любит своего кота.

– Это, безусловно, плюс, но... А скажи, у него была в жизни любовь? Настоящая, сильная, страстная?

– Хороший вопрос! Пожалуй, что и нет. Или я просто не знаю, он ведь не слишком открытый парень... Но, полагаю, что все-таки не было.

– И он не был женат?

– Был. Дважды. От первой жены у него есть дочь, но эта женщина ушла от него, вышла за другого и уехала с ним в Новую Зеландию.

И дочку увезла. Ей сейчас уже лет двадцать, но она в Москву носа не кажет. Я пытался связаться с ней по Интер-

нету, но девочка дала мне понять, что дедушка в Москве ей ни на фиг не сдался.

– Ты расстроился?

– Чуть-чуть. Я ведь ее практически не помню. А Костя... Да, ты умная женщина, он и вправду производит на меня впечатление человека душевно опустошенного. Но, по-моему, сейчас большинство его ровесников такие...

– А есть у него постоянная женщина?

– Нет, и слава богу!

– Почему?

– Видела бы ты его женщин!

– А что такое?

– Гламурный стандарт. Не старше двадцати трех. Темные, как... Помню, с одной он меня познакомил. Мы сидели втроем в ресторане. У меня сложилось впечатление, что она не понимала ни единого слова из нашего с Костей разговора и, следовательно, умирала с тоски. Только все пила какие-то коктейли. А потом вдруг говорит: «Ой, мальчишки, кончайте вашу бодягу! Поехали лучше в ночной клуб, а то я сейчас засну!»

– А Костя твой что?

– Стыдно ему было. Он ее быстренько увел.

– А может, стоит его познакомить с какой-нибудь приличной девушкой?

– Боюсь, это будет пустой номер.

– У моей подруги есть дочка, она развелась два года назад,

красавица, умница, первоклассный переводчик-синхронист, прелесть девушка, всего двадцать семь лет.

– Попробовать можно, – как-то вяло отозвался Петр Николаевич.

– Ну, Петя, обидно же – такая девушка... И Костя твой... он же очень интересный мужчина... А вдруг сладится. Может, он с нормальными женщинами и не встречался, а?

– Ну что ж, попробуем. Только это надо как-то случайно подстроить. Если ему напрямую сказать, он просто не придет.

– А я уже придумала! Давай мы устроим что-то вроде свадебного обеда.

Петр Николаевич нахмурился.

– Петя, не волнуйся. Будет только твой Костя и моя лучшая подруга с дочкой. И все.

– А давай! – вдруг воодушевился Петр Николаевич. – Эта девушка... Как, кстати, ее зовут?

– Алёна.

– Хорошее имя. Так эта Алёна действительно хороша собой?

– О да! Высокая, стройная, личико точеное, огромные карие глаза, дивные волосы. А кожа – с ума сойти!

– Хорошо, уговорила, речистая! Впрочем, ты вообще вьешь из меня веревки! Я так счастлив на старости лет... Может, от нашего счастья и сыну моему кусочек перепадет? Ты удивительная женщина, Анюта! Мне уже нравится идея

такого обеда. А Алёнушку ты предупредишь?

– Не знаю еще. Я поговорю с Марьяной, она все-таки лучше знает свою дочь.

– Умница моя!

Я решила, что пока не стану покупать машину. Передвигаться по Москве лучше на метро. На эти пробки моих нервов не хватит. Вот если найду работу и там нужна будет машина, дело другое. На встречу с Машуней я бежала с огромной радостью. Купила букет фрезий, бутылку шампанского и коробку конфет. Мне было чуть-чуть страшно, что она начнет расспрашивать об Антоне, но, прислушавшись к себе, я поняла, что, если спросит, я смогу ей все рассказать. Но Машуня, человек редчайшего такта, может и не спросить, особенно если заглянет в Интернет. Там теперь можно найти любую информацию. Правда, интерпретация может оказаться весьма далекой от истинного положения вещей, но я смогу объяснить Машуне, как все было на самом деле. И она мне поверит.

Маша теперь жила у станции метро «Университет» в знаменитых «красных домах». Но я предпочла поехать на троллейбусе, не люблю лишний раз лазить под землю. Доехала до метро и не спеша пошла по направлению к «красным домам». Вдруг около меня затормозила синяя «тойота». Оттуда выскочил какой-то мужчина и загородил мне дорогу. Я

отшатнулась.

– Вы с ума сошли!

– Женька, ты?! Не узнаешь?

– Господи, Ваня? – узнала я бывшего мужа.

– А я смотрю, идет женщина, и походка у нее такая стремительная, как у моей Женьки... Потом гляжу, так это же Женька и есть!

– Ванечка, как я рада тебя видеть! – искренне призналась я.

– А я... Жень, дай хоть обниму тебя на радостях!

И он изо всех сил сжал меня.

– Вань, задушишь! – Я чмокнула его в подбородок.

– Садись в машину! – скомандовал он.

И я подчинилась. Я была страшно рада его видеть.

– Тебе куда?

– Да никуда. Я уже почти пришла. Машка теперь тут живет.

– Машка? Соседка?

– Ну да.

– Жень, а что ты делаешь в Москве?

– Живу.

Он вдруг побледнел.

– Как живешь?

– Вот так. Вернулась.

– И с кем... ты живешь?

– Одна живу.

– А где?

– Все там же, на Третьей Фрунзенской.

– Женечка моя! А скажи... Хотя нет. Жень, а можно, я к тебе зайду? Так надо поговорить...

– Приходи, если надо. Скажи, ты женился?

– Женился. У меня двое ребят, Колька и Толька. Погодки.

– Здорово! А сколько им?

– Кольке восемь, а Тольке семь. – Он достал из кармана телефон. – Вот, погляди.

– Хороши! Старший на тебя похож.

– А у тебя есть дети?

– Нет, Ваня, детей нет. И мужа нет. Но я ни о чем не жалею, – поспешила сказать я, чтобы не услышать от него: «Я же тебя предупреждал!»

– Женечка, родная моя... Надо же, ты в Москве... А я искал тебя в разных социальных сетях.

– О! Я этого не выношу.

– Я так и понял. Но об Антоне многое знаю...

– Вань, извини, но мне пора! Неудобно, Машуня ждет.

– А телефон у тебя прежний?

– Нет, поменялся. Запиши. И мобильный тоже. Приходи, буду рада. Все, я побежала!

– Нет, я довезу тебя до подъезда. – Голос у него был грустный.

Он и в самом деле довез меня до подъезда.

– Женька! – взвизгнула Машуня и кинулась меня обнимать. – Ох, Женька, ты чего такая? – вдруг спохватилась всегда удивительно чуткая Маша. – Что-то стряслось?

– Ага! По дороге к тебе встретила Ваньку.

– Да ты что! Расстроилась?

– Нет, но... разволновалась.

– И как он? Постарел?

– Да нет, выглядит хорошо. У него двое сыновей. Но он все равно какой-то родной... Понимаешь?

– Не очень, если честно! Ты ж сама его бросила.

– Я его не бросала. Я просто не могла тогда остаться, а он не захотел со мной уехать.

Она внимательно на меня посмотрела.

– Тебе срочно нужно замуж! И я этим займусь!

– Да ну тебя! Ладно, к черту лирику! Давай рассказывай!

И корми меня, я уже чую запах моих любимых пирожков!

Квартира у Машки была удивительно красивая и уютная.

– Хорошо тут у тебя.

– Ох, знала бы ты, чего мне это стоило...

– Могу себе представить.

– Вика мне сказала, что у тебя практически пусто.

– Да. Я, Маша, начала новую жизнь, в которой нет места ни одной старой вещи. Я даже белье, в котором прилетела из Сан-Франциско, выкинула во Франкфурте и купила все новое.

– Круто! Ну, по крайней мере бабки у тебя есть?

– Кое-что я сумела заработать.

– Молодец! Ты не пропадешь, это я всегда знала. Хотя все знакомые ужасались, когда вы слиняли. «Ах, что она сможет!»

– А я смогла! И цели своей добилась, а значит, ни о чем не жалею!

– Жень, я, ты уж прости, кое-что знаю...

– Из Интернета?

– Не только. Я общалась с Валею Жерлиным. И он мне рассказал... Но, может, это сплетня? Расскажи лучше сама, а то, знаешь, слухи, они как снежный ком...

Я посмотрела на старшую подругу. В ее глазах не было любопытства. Только сочувствие.

– Да, Машка. Тебе, пожалуй, я смогу рассказать. И даже, как ни странно, хочу... А то меня это изнутри давит.

– Давай, хочешь, с самого начала!

– Да нет, очень длинно получится.

– А мы разве куда-то спешим? – улыбнулась Машуня.

– Понимаешь, я... Мне было поначалу невероятно тяжело. Все чужое... И все чужие... Правда, Леонид Исаакович, Антошкин педагог, свел нас с одной русской семьей. Золотые люди, Инга и Лева, тоже музыканты, они нам здорово помогали. Антошка же был от всего в восторге. Ну, сама понимаешь, мальчишка еще. Америка... Поначалу один тип взялся его раскручивать, и у него получалось. Ну, Антошка же такой талантливый... Но потом я поняла: он нас безбожно

обкрадывает. Антон получал гроши, а гонорары росли. Но нам от этого было ни жарко ни холодно. Тогда я взяла все в свои руки. Как-никак диплом юрфака, хотя в Америке пришлось переучиваться...

– Представляю! Хотя у тебя же был хороший английский. Плюс характер...

– Ох, и натерпелась я с этим жуликом-агентом, но все же сумела с ним справиться и сама стала представлять интересы брата. Я отправила его в Италию на конкурс, хотя он ни за что не хотел, но я настояла, и он взял там Гран-при, сыграл на скрипке Страдивари, и вообще этот конкурс очень многое ему дал. Я заводила нужные знакомства, крутилась как белка в колесе, даже... Знаешь, я даже спала с одним довольно гнусным типом, чтобы устроить Антону одну запись...

Я ничем не брезговала... И в результате через несколько лет он стал одним из самых успешных и знаменитых скрипачей мира. Ты осуждаешь меня, Машуня?

– Да боже меня сохрани! – искренне воскликнула она.

– У нас появились деньги, и однажды после концерта в «Карнеги-холл» Антошка сказал: «Знаешь, сестренка, у меня даже слов нет, чтобы выразить тебе мою благодарность! Я человек довольно бесхарактерный и без тебя многого не добился бы.

А теперь говори, чего ты хочешь, я исполню любое твоё желание. Нам давно пора обзавестись своим домом, говори, где бы ты хотела жить?» Я задохнулась от счастья! И сказала:

«Я бы хотела иметь маленький домик в Кармеле».

– Это же в Израиле? – изумленно воскликнула Маша.

– Нет, в Калифорнии тоже есть такой городок, на берегу Тихого океана, там в основном живут художники. Я бывала там у знакомых и влюбилась в это место. Знаешь, я недавно прочла у кого-то фразу: «золотая пыльца влюбленности рассеялась»... Мне этот городок всегда представлялся в такой вот золотой пыльце и не только в каком-то возвышенно-литературном смысле, а в прямом... Я впервые попала туда в феврале, когда все уже распускалось и повсюду цвели какие-то деревья золотисто-желтым цветом... Мне показалось, что это рай на земле. И мы купили там домик, небольшой, с садом, а в саду летали колибри и росло тюльпановое дерево... Ты когда-нибудь видела тюльпановое дерево?

– Кажется, да. В Ялте. Это очень красиво.

– Одним словом, я чувствовала себя там совершенно счастливой. Кроме Антона я занималась еще делами двух русских музыкантов, была занята с утра до ночи, сама неплохо зарабатывала. У Антошки случались какие-то романы, но...

– А у тебя?

– У меня тоже, но ничего серьезного, так, мимоходом, что ли...

– А ребеночка что ж не завела?

– Ребеночка надо от любимого рожать, а не от случайного.

– Ну, это по-разному бывает.

– Да, но у меня Антошка вместо ребеночка был.

– Жень, если тяжело, не рассказывай дальше. Я многое знаю, о многом догадываюсь.

– Да нет, надо, наверное, выговориться. А кому, если не тебе, ты ж нас с Антошкой с детства знаешь...

– Ну да, это правда.

– Понимаешь, я была там счастлива, в этом Кармеле. Все там было по мне. В последние годы я уже не моталась с Антошкой на все гастроли, хотя, конечно, ежесекундно, можно сказать, была на связи. Но в личную жизнь не лезла, дистанцию соблюдала. И прекрасно отдавала себе отчет в том, что его будущая жена может мне не понравиться. Но внушала себе, что он взрослый мужик, а я только сестра и не имею права совать свой нос... Была у него одна девушка, пианистка из Израиля, прелестное существо, очень талантливая, красивая, влюблена в него была по уши, казалось бы, чего лучше... Но... что-то не срослось. Я даже толком не знаю. Короче, разошлись.

А потом вдруг возникла эта... Я как увидела, сразу поняла – беда! Но молчала. Думала, вдруг сам поймет. Не понял. Женился. Я на все молчала. Одно только четко понимала – жить с ней под одной крышей не смогу. И сказала брату: сюда ее не пущу. Покупай другой дом или квартиру где захочешь, я тебе выплачу стоимость этого дома... Он начал орать, что подарки назад не отбирает, просто он считал этот дом и своим тоже, но если тут нет места для его любимой женщины...

Я тогда ему сказала первый и последний раз в жизни: «Антон, я для тебя немало сделала, я буквально разрушила свою семью ради тебя и никогда ни одним словом тебя не попрекнула, я никогда не лезла в твою личную жизнь и сейчас не лезу, но я просто не хочу жить с твоей женой под одним кровом. Только и всего. Мы можем сколько угодно общаться, но здесь мое личное пространство, и я не хочу...»

– А он что?

– Да он, как мне показалось, понял. Сказал: «Ну что ж, ты, наверное, права, ты заслужила возможность жить как тебе хочется, ты же знаешь, как я тебе за все благодарен. Не злись. Но я уверен, ты еще оценишь мою Верочку...»

– Она русская?

– Да. Из Волгограда.

– А чем она тебе так не глянулась? Красивая хоть?

– О да. Очень красивая. Но злобная дура.

Я сразу почувствовала в ней злобную дуру. И хищницу. И не ошиблась, она меня схавала.

– Каким образом?

– Знаешь, мне поначалу казалось, что все устроилось самым лучшим образом. Мы, что называется, сохраняли вооруженный нейтралитет, и это длилось около года. Но в один прекрасный день мне позвонил знаменитый американский импресарио Вик Дэннелл и назначил встречу в Сан-Франциско. Я не понимала, что ему от меня понадобилось, прокручивала в башке разные варианты, пока ехала, а это не

ближний свет. Но то, что я услышала...

Я замолчала, у меня комок стоял в горле. А ведь казалось, я уже это пережила, но боль опять сдавила горло.

Машка погладила меня по руке.

– Женечка, ты скажи, а потом уж забудь.

И поставь на этом крест.

– Да, я попробую...

– Может, тебе коньяку плеснуть?

– Да, плесни!

Я опрокинула рюмку коньяку, как водку. И мне почти сразу стало легче. В самом деле, надо выговориться.

– Понимаешь, он был со мной суперлюбезен, встречу назначил в шикарнейшем ресторане Сан-Франциско, наговорил кучу комплиментов, а мне с каждой минутой становилось все страшнее. И вдруг он говорит: «Дорогая госпожа Истомина, мне чрезвычайно тяжело говорить вам это, но на днях со мной связался ваш брат, он действительно гениальный скрипач, уникальный музыкант, да, так вот, господин Истомин связался со мной и просил меня впредь представлять его интересы». «Как?» – вырвалось у меня. «Ваш брат сказал, что в его карьере наметился застой, что вы уже не в состоянии двигать ее вверх, что он безмерно вам за все благодарен и нежно любит вас как сестру, но именно поэтому и не может сам сказать вам об этом. Надеюсь, госпожа Истомина, вы не станете препятствовать... И поверьте, я наилучшим образом сумею сделать все для такого великого му-

зыканта».

– Вот подлец!

– Кто?

– Антон, кто же еще! Ну, а ты что?

– Это еще не все. Дальше он сказал, что прекрасно понимает мои чувства, но, в сущности, мой брат прав, и посему он, Дэннелл, предлагает выкупить у меня агентство вместе с теми музыкантами, которыми я занималась помимо Антона, а от себя лично дает мне совет: не травить душу и вернуться в Россию. Русские ведь почти всегда страдают от ностальгии, а тут... После, как он выразился, «не побоюсь этого слова, после предательства вашего брата вам и впрямь лучше вернуться на родину, тем более что я знаю, у вас есть квартира в Москве». И, учитывая мой неоценимый опыт и вкус, он бы хотел, возможно, чтобы я была его представителем в России, отыскивала там талантливых, но еще совсем нераскрученных музыкантов, которые обходились бы значительно дешевле лауреатов...

– Охреть! – простонала Машка. – И ты согласилась?

– Не на все. Я согласилась продать ему агентство и передать тех ребят, с которыми была связана, для них это грандиозный шанс... Но сотрудничать с ним в дальнейшем отказалась категорически. Знаешь, у меня было такое состояние... я как будто умерла... Помню, я вернулась в свой обожаемый дом, вышла налить сиропу колибри, и вдруг в голове возникла отчетливая мысль: «Прощайте, колибри, хочу к

воробьям!» И буквально за месяц провернула все. Взяла с собой только документы, ноутбук, пару белья.

И улетела во Франкфурт.

– А что Антон?

– А я его больше не видела. Только послала ему мейл.

«Антон, я передала все дела Дэннеллу. Отныне ты свободен. Несмотря ни на что, желаю тебе успеха. Женя». И все.

– И он не примчался к тебе?

– Нет, он в это время гастролировал в Китае.

– А потом?

– И потом ничего.

– Вот сволочь! Это все его баба, я уверена.

– Я тоже. Но если даже Дэннелл считает его предателем...

– И все-таки связывается с ним!

– Ну, Антон Истомин – это бренд! И хорошие барыши.

Так что... Бизнес, ничего не попишешь!

– И дом забрал.

– Пусть. Я уже ничего там не хотела.

– Догадываюсь, если даже шмотки все кинула.

– А знаешь, как было весело покупать все новое! Целое приданое! Я первый раз в жизни покупала шмотки, не считая каждую копейку, от души! С нуля так с нуля!

– А он хоть тебя не надул, этот Дэннелл?

– Нет. Рассчитался честно, и я бы даже сказала, щедро. У меня сложилось впечатление, что он хоть и крутой делец, но отлично понимал мое состояние.

– А вот скажи... Что, у Антошки действительно с тобой не было особых перспектив?

– Ерунда! У него уже было мировое имя, и я не сидела сложа руки, он был связан с крупнейшими фирмами звукозаписи и вообще... Но просто то, чего я добилась бы, скажем, через год, Дэннелл добьется через месяц. Только и всего. Я работала одна, а у Дэннелла десятки сотрудников. Так что я оставила Антона в хороших руках, совесть моя чиста. Но брата у меня больше нет. Все, Маш, о нем больше ни слова.

– Погоди, а если вдруг Антон приедет в Москву с концертами?

– И что?

– Ты пойдешь?

– Нет. Я просто уеду на это время из Москвы.

– То есть ты предполагаешь, что он все-таки может зайти к тебе?

– Я не исключаю такой возможности. Когда сексуальный угар пройдет, он вспомнит, что у него был человек, который знал его лучше, чем он сам, и который готов был помочь в абсолютно любой ситуации, ему может стать грустно, и он захочет восстановить наши отношения. И даже скорее всего он будет биться головой об стену, но я его не прощу. Пойми, если бы он сам пришел ко мне и сказал: «Меня Дэннелл зовет к себе, ты сама понимаешь, как это важно и как почетно», – я бы, видит бог, не стала возражать. Конечно, у Дэннелла другие возможности... Но так – нет. Не прощу. А если

даже формально прощу, то в душе – никогда. Я, Машуня, сделала все, чтобы освободиться от него, и я освободилась. И ни о чем не жалею. Я должна была сделать из него большого музыканта, я это обещала маме перед смертью, и я это сделала. А жалею я только об одном. О том, что рассталась с Иваном. Когда я его увидела сегодня... Но ведь и он мог уехать со мной, но не уехал.

– Ты и его считаешь предателем?

– Нет. Тут мы на равных. Я должна была уехать, а он, очевидно, должен был остаться.

– Ты его любишь до сих пор?

– Нет, Машуня. Моя беда в том, что я никого не люблю.

Вот разве что Пафнутия... – решила я сменить тему.

– Что еще за Пафнутий? – ахнула Маша.

– О, это очень занятная история! Сижу я как-то в кафе...

– Уже в Москве?

– Да, вскоре после приезда. Настроение унылое – уж больно погода за окном скверная, и думаю: надо мне кота завести. У Антошки аллергия на животных, а я всю жизнь хотела иметь большого толстого кота. Сижу, мечтаю. А неподалеку мужик сидит. Лет сорок, ничего себе, видный, и явно нервничает, на часы поглядывает. Вдруг является девушка, молоденькая, красивая, как картинка в журнале. И о чем-то очень взволнованно начинает говорить, потом сует мужику под нос руку с бриллиантовой браслеткой. Но, видно, тот как-то не так отреагировал. Девушка вскочила и убежала, а

мужик только плечами пожал. И тут к нему подходит охранник с большой сумкой, а из сумки громкое мяуканье. Мужик зеленеет, выхватывает из сумки черного котищу, прижимает к себе, что-то бормочет. Тут подбегает официантка: «Ой, какой у вас котик красивый!» Мужик только что в ножки ей не кланяется, просит приютить кота на недельку, ему прямо сейчас надо в аэропорт. Официантка: «Не могу, – говорит, – живу в съемной комнате, хозяйка не позволит».

– Ну и тут ты предложила свои услуги? – рассмеялась Маша.

– Конечно! Да видела бы ты этого кота!

С ума сойти можно. Огромный, черный как смоль, только тапочки беленькие на передних лапках, маленькая манишка и тонкая белая полоска, которая ровно посередине делит лоб и нос. Обалдеть. Глазищи зеленые, шкурка блестящая...

– Пушистый?

– Нет. Я вскочила, подошла к мужику и предложила свои услуги. Ох, как он просиял!

А я попробовала взять кота на руки, и он пошел, не отпихнул меня, а сразу прижался и замурлыкал. Мужик поразился и рассыпался в благодарностях.

– Ну ты даешь! А дальше что?

– Ну, отвез он нас с котом ко мне, позвонил одному парню, который его всякой кошачьей продукцией снабжает, и умчался. А я влюбилась... Ты не представляешь, Машка, что это за кот! Во-первых, он ходит на унитаз. Первый раз я

смотрю – вскочил, присел и так недовольно на меня глядит: ты что, мол, подсматриваешь? Я ушла, а он через какое-то время начал мяукать – спусти, мол. А ласковый! Вечером явился ко мне в постель, потоптался на мне, потом улегся рядом.

И меня тогда отпустило. Мне сразу стало легко, я подумала: а я все верно сделала. Если в родном городе я только подумала, что хочу кота, как он сразу образовался, это хороший, добрый знак. И еще я надеялась, что этот мужик оставит мне кота...

– Не оставил, как я понимаю?

– Нет, он сам его до смерти любит. И ревнует. Знаешь, он когда за ним приехал, Пафнутий ему навстречу не вышел. Дрых себе на кровати. Обиделся, наверное. А тот приревновал. Думаю, больше он его мне не привезет, как бы ни припекло его. Знаешь, это смешно, но я по нему тоскую.

– Жень, да заведи себе кота. Тоже мне проблема!

– Заведу, наверное, но пока не могу. Все с Пафнутием сравниваю.

– А что за имя такое идиотское – Пафнутий?

– А мне нравится.

– Дуреха ты... А что за мужик?

– Да откуда я знаю!

– Жень! Ну он хоть интересный?

– Да вроде ничего.

– А звать как?

– Константин. Отчества не сказал.

– Ну хоть как он выглядит?

– Как он выглядит... Ну, такой крепкий, лет сорока, может, чуть больше. Смуглый. Волосы черные с седой прядью, вернее, прядкой, глаза тоже вроде бы черные... Да, в общем, вполне приглядный, но мне...

– Погоди, а он к тебе не клеился?

– Он меня по-моему вообще за мебель принял. Видела бы ты его девушку, куда мне... Да и вообще...

– Тебе надо замуж! И я этим займусь профессионально! Знаешь, какая я сваха! Супер! Сразу могу сказать, сладится у людей или нет. Только по фотографиям.

– С ума сойти! Машка – сваха!

– Ты вот что, обязательно сходи к стилистам, Вика тебя отведет к самым лучшим, у тебя сразу боевой задор проснется...

– Да ну...

– А хочешь, уже в новом образе мы найдем твоего Константина, ты появишься перед ним, он ахнет, влюбится, и ты выйдешь замуж за своего Пафнутия, а Константина возьмешь в приданое! Нехилая идея, а?

Я расхохоталась:

– Идея, конечно, зашибись! Только как найти человека в Москве по имени?

– Элементарно, Ватсон! Обратишься к парню, который котов кормами снабжает!

Я озадаченно посмотрела на старшую подругу.

– Маш, а ведь идея гениальная! Да я про этого парня знаю гораздо больше, чем про Константина. Его зовут Саша, у него магазинчик на Ленинградском рынке, и он настолько обожает Пафнутия, что даже повесил у себя его фотографию.

– Супер, Женька! Только к нему надо подослать Вику.

– Почему?

– Жень, ты в своей Америке совсем отупела? Да если у этого Саши есть какие-то отношения с хозяином Пафнутия, то он непременно ему расскажет, что приходила девушка, расспрашивала о нем. Тот спросит, что за девушка, он опишет Вику, а между вами нет ну совсем ничего общего.

– А вдруг он поймет, что это я подослала...

– Жень, он вообще кто? Артист?

– Нет. А при чем тут это?

– Да с какой стати тебе открывать на него охоту? Ему такое в голову не вскочит.

– Да он наверняка и думать обо мне забыл. А вообще, Маш, это все такая дурь, что перед самой собой стыдно. А если меня от этого мужика при ближайшем рассмотрении стошнит, то никакой, даже самый лучший в мире кот не поможет.

– Но к стилистам ты все же сходи. Это в твоих интересах!

– Ладно, к стилистам схожу!

Новая дама отца Константину не слишком понравилась. Чересчур элитарная, как он это для себя сформулировал. Все ее научные труды и диссертации, казалось, у нее на лбу отпечатались, хотя она была безусловно интересной и очень элегантной женщиной. И вполне подходила отцу.

А мне бы чего попроще, подумал Константин.

И еще ему показалось, что она смотрела на него с легким презрением. А он к этому не привык. Но, в конце концов, я уже большой мальчик, злая мачеха мне не страшна, а отцу с ней наверняка будет хорошо, она, похоже, по уши в него влюблена и к тому же отец уверяет, что она отличная хозяйка. Вот и славно! Надо только придумать подарок им на свадьбу. Деньгами тут не отделаешься. И зачем они вздумали устраивать какой-то еще обед, хотели же сначала сразу улететь в Ниццу. Видно, даже такой изысканной бабе охота хоть иллюзию свадьбы... Интересно, она небось наденет какой-нибудь светленький костюм, а может, и шляпку с вуалеткой, как в старых заграничных фильмах. Интересно, есть баба, которой ничего этого не надо? И тут его осенила роскошная идея. Как он понял, жить они будут у отца, а у него телевизор совсем допотопный. Куплю им хорошую плазму, и дело с концом.

Бракосочетание было назначено на субботу.

С самого утра Константин подъехал к дому отца. Достал с заднего сиденья новый телевизор и позвонил в домофон.

– Костя, ты? – раздался голос отца.

– Да, папа, я поднимусь! У меня подарок!

Отец что-то проворчал, но Константин не расслышал. Черт, а цветы? Надо ж было купить цветы! Ох, грехи наши тяжкие! Ничего, успею еще.

– Костя! Что это ты притащил? – Петр Николаевич выглядел замечательно. Очень элегантный темно-серый костюм в тонкую белую полоску, голубая рубашка с темно-красным галстуком. Пышные седые волосы аккуратно подстрижены.

– Папа, пропусти в квартиру!

– Да что это такое?

– Это мой подарок тебе и Анне Михайловне. Телевизор последнего поколения!

– С ума сошел!

– Да несколько! Но вот из-за этого не успел купить цветы. Но я исправлюсь! А ты впрямь смотришься женихом! Поздравляю, папочка!

А где же невеста?

– А она приедет в загс.

– Так вроде она уже у тебя жила?

– Ах, боже мой, ты что, женщин не знаешь?

– Ага, иллюзия свадьбы. Да?

– Ну, что-то вроде, – добродушно рассмеялся отец. – Да поставь ты эту бандуру. Вон туда, за диван. Вернемся из Ниццы, приедешь, подключишь. Да, кстати, спасибо, Костя!

– На здоровье, папа. А это хорошо, что невесты тут нет.

По дороге куплю цветы. Она какие любит?

– Розы.

– О, это проще всего! Ну что, пора ехать. Хоть и суббота, запросто можем попасть в пробку.

– Я готов. Да, а что ж ты на нашей свадьбе даже рюмки не выпьешь? Лучше было взять такси.

– Выпью, папа, как не выпить по такому случаю! А машину отгонит водитель с фирмы. Все предусмотрено.

– А как поживает Пафнутий?

– Нормально. Я теперь никуда его не таскаю. Если уезжаю, консьержка приходит его кормить и убирать. Она любит животных, не обидит, приласкает, так что больше таких экстремальных ситуаций не возникнет.

– Жениться тебе надо, Костя.

– Петр Николаевич, вот доживу до ваших лет, тогда и женюсь, – засмеялся Константин. – А мне и так хорошо. Прихожу домой, никто не зудит, не допытывается, где был, почему задержался, а чей это волос у тебя на плече, а почему от тебя чужими духами пахнет... Нет уж, увольте, сыт по горло. Готовить я и сам умею, получше многих дам, и раз в неделю я готовлю себе обед так, как я люблю, и никто над ухом не пищит: ах, майонез – это гибель! Ах, соль и сахар – белая смерть! Ах, тут столько калорий! Тьфу!

– Ну да, гламурные киски, они только о калориях и думают. А вот моя Аня готовит по старинке. Если б ты знал, какой «Наполеон» она делает, мечта! Вот вернемся, попрошу

ее позвать тебя на обед. Тогда и телевизор подключишь.

– Отлично!

– Ты чего затормозил?

– Цветов надо купить, чуть не забыл. Я мигом!

Он действительно вернулся через пять минут с большим букетом белых роз.

– Как считаешь? Сгодится?

– Вполне. Но мы же вечером улетаем.

– Прямо в Ниццу летите?

– Нет, на два дня в Париж, а уж оттуда... Анюта помешана на Париже.

– Ну, по нынешним временам как-то банально – Париж, Ницца... Теперь модно летать на Мальдивы.

– Нет уж, мы для Мальдив несколько устарели, нам и Париж сойдет, – засмеялся Петр Николаевич.

Я с утра валялась в постели и смотрела телевизор, тем самым приобщаясь к жизни в родном городе. И мне многое нравилось. Появилось много прекрасных артистов, а те, кого я помнила, здорово постарели, не менялся только Владимир Зельдин, дай ему бог здоровья. А хорошо иногда поленившись, никуда не спешить, я только изредка вскакивала и бежала к зеркалу – взглянуть на свой новый облик. Иногда, проспав, я забывала о нем и страшно удивлялась, мимоходом взглянув в зеркало. Кто это там? Ах да, это же я, Женя Истомина, московская безработная, одинокая, но почти счаст-

ливая. Почему почти? Для полного счастья мне не хватало только Пафнутия!

Зазвонил телефон. И кто это в субботу с утра пораньше?

– Алло, Женя?

Я сразу его узнала.

– С добрым утром, Ванечка!

– Узнала?

– Ты смеешься? Как я могу тебя не узнать?

– Ну да, у тебя же музыкальный слух... Привет, как поживаешь?

– Да хорошо!

– И судя по голосу, не врешь. Жень, а что ты сегодня днем делаешь?

– Ничего. А что?

– Очень хочу увидеться. Может, пообедаем где-нибудь?

– А ты сегодня свободен?

– Ну, раз приглашаю, значит, свободен, – не без раздражения ответил он.

– Да я с удовольствием, Вань! Где и когда?

– Я за тобой заеду в половине третьего.

– Прекрасно.

– Женька, я так рад...

И он повесил трубку. Я тоже здорово обрадовалась. Но тут же вспомнила, что у него двое детей, Колька и Толька. Так при чем тут я? Но, в конце концов, он же не в постель меня тянет, а только в ресторан. В ресторан это можно, это

не грех.

И я стала в задумчивости перебирать свои шмотки, что бы такое надеть? Днем можно надеть что угодно, хоть джинсы. Но почему-то хотелось принарядиться. С этим новым имиджем мне теперь все время хотелось наряжаться. Тем более что Ванька, как я успела тогда заметить, одет очень даже неплохо. Надо соответствовать. В результате я выбрала бежевое платье из мягчайшей шерсти с широким замшевым поясом цвета спелой вишни, бежевые замшевые сапожки на шпильках. Здорово! Волосы у меня теперь стали чуть темнее и менее кудрявые, а я еще их немножко разглажу, будет очень стильно! И никто мне сейчас не даст моих сорока. Ванька, конечно, знает, сколько мне лет, но дело даже не в нем, а в том, что я просыпаюсь к новой жизни и, вполне возможно, что в этой новой жизни мне еще захочется любви...

Ровно в половине третьего раздался звонок.

– Жень, я внизу, спускайся!

Я надела пальто. Смешно, ей-богу, иду на свиданку с бывшим мужем и почему-то волнуюсь...

Он ждал возле своей «тойоты». И выглядел как жених. С букетом цветов.

– Привет!

– Жень, это ты? Ты что с собой сделала? – как-то растерялся бывший муж.

– Тебе не нравится?

– Просто неожиданно как-то... Да нет, хорошо, – вдруг

расплылся он. – Очень хорошо!

– Вань, это мне цветы?

– Конечно, тебе. Вот, возьми, тюльпаны...

А меня вдруг пронзила страшная боль, я вспомнила, как год назад Антон примчался ко мне с букетом цветов, я спросила, по какому это случаю, а он ответил: «Ох, прости, это Верочке, сегодня День святого Валентина...»

– Что с тобой, Жень? Что-то болит?

– Нет, просто неприятное воспоминание. Ерунда. Спасибо, Ванечка. Обожаю тюльпаны!

– Скоро весна, хотелось поторопить ее. Ну, поехали? Я жутко голодный.

– Я тоже. Едем! А куда?

– Есть один ресторан на Поварской. Там удивительно вкусно готовят. Кухня в основном азербайджанская, уверен, тебе понравится. Женечка моя... – У него дрогнул голос. – Какой я идиот...

– Вань!

– Разве можно садиться за руль, когда едешь в ресторан. Что ж мне, даже вина не выпить с тобой?

Мне показалось, он хотел сказать совсем другое. Ну и слава богу, что вывернулся.

– А я все-таки выпью и оставлю там машину, а завтра заберу.

– Мудрая мысль, мне тоже хочется выпить.

Константин знал, что кроме них будет еще подруга Анны Михайловны. Эта подруга явилась с дочкой. Он сразу смекнул, что это неспроста. Однако дочка ему понравилась. Милая девушка, интеллигентная и даже красивая, если приглядеться. А может, так и надо – присматриваться? Чтобы не шибало в глаза, а постепенно завлекало? Да, в этом что-то есть. Или это уже старость?

Девушка была отлично воспитана, взглянула на него заинтересованно, однако восторга, судя по всему, не испытала. А собственно, с какой стати ей мною восторгаться? Я ж не красавец, не киноактер, да и к чему мне ее восторги?

И имя у нее приятное – Алёнушка. И держится хорошо, и фигурка что надо. Такая точно не подложит свинью. И он начал осторожно ухаживать за милой девушкой. И она с удовольствием эти ухаживания принимала. Но при этом не старалась понравиться, не смеялась идиотским смехом на его шутки, а сдержанно улыбалась...

А что, чем черт не шутит, может, и вправду ценный кадр?
– Петя, по-моему, может что-то получиться, – шепнула Анна Михайловна мужу.

– Ох, как бы я этого хотел, прелестная девочка.

Настроение у Константина было прекрасное. Эта Алёна и впрямь хороша. Надоели мне эти алчные дуры. Бриллиантовый браслетик мне продемонстрировала, коза драная, вспомнил он свою последнюю пассию. А с этой можно говорить... Оказывается, это приятно – говорить с девушкой,

которая тебе нравится. Отец когда-то внушал ему, что очень важно, если с женщиной можно еще и поговорить, даже в постели... Раньше я этого не понимал, теперь, кажется, начинаю понимать. Он немало выпил, но не опьянел, а был, что называется, на взводе, и, кажется, Алёне это его состояние нравилось.

– Алёна, есть предложение, – шепнул он ей.

– Какое? – улыbnулась она.

– Когда так называемые молодые свалят в аэропорт, продолжить праздник. Вы сможете уйти от мамы?

– Смогу.

– Вот и отлично! Поедем куда-нибудь кутить, потанцуем, погуляем, нынче погода классная... а может, в кино, а?

– Принимается!

В какой-то момент Петр Николаевич шепнул:

– Костя, выйдем, а?

– Давай! – Он понял: отец хочет ему что-то сказать.

– Дамы, мы вас ненадолго оставим!

– Кость, имей в виду, не стоит сразу тащить девушку в постель.

– Да она, по-моему, не прочь.

– И все-таки, поверь моему опыту.

– Папа, ты забыл, что мне уже сорок два и кое-какой опыт имеется.

– Дело, конечно, твое, но все же... Поверь, так интереснее.

В этот момент из женского туалета вышла дама.

– Ах, хороша! – прошептал Петр Николаевич. – Высокий класс!

– Да, ничего, – вынужден был согласиться Константин. Женщина была как минимум эффектна. И вдруг она ему улыбнулась как старому знакомому.

– Здравствуйте, Константин!

– Здравствуйте... – Он ее не узнавал.

– Как поживает Пафнутий?

– Пафнутий? Ох, Женя, это вы? Простите, не узнал. Он прекрасно поживает.

– Передавайте ему привет! Это лучший кот на свете! Всего доброго!

И она ушла. Вернулась в зал.

– Костя, это та добрая самаритянка?

– Да, она. Но я ее не узнал.

– Ты большой идиот, мой мальчик! Проворонить такую интересную даму, да еще и с добрым сердцем...

– Но она совершенно иначе выглядела.

– Ты просто не дал себе труда взглядеться в женщину, поскольку она не юная блонда. Эх, не будь у меня сегодня свадьбы, я бы за ней сам с удовольствием приударил.

– Что за мысли для новоиспеченного мужа! – рассмеялся Константин. – Ладно, пошли, а то неприлично уже.

Они вернулись к дамам.

А он ничего, этот Константин. Но Ванька лучше. Он родной, как ни дико это звучит. И так на меня смотрит...

– Женечка, попробуй лобио, это так вкусно!

– Правда, вкусно. И вообще тут все вкусно. Знаешь, я первый раз в жизни ем маринованный кизил, прелесть просто. Вань, ты...

– Женя, я хочу спросить. Вот, даже выпил две рюмки подряд для храбрости. Скажи мне, оно того стоило?

– Ты о чем?

– Стоило тогда все порушить, мчаться в Америку... А теперь... разбитое корыто практически... А ведь я любил тебя...

– Но со мной не поехал! – Я рассердилась. – Ванечка, пойми, я не могла остаться. Антону грозила армия. А разве можно скрипачу в нашу армию? И все было не зря. Он стал большим музыкантом, у него мировое имя...

– Антон, Антон, а ты сама?

– А что я? Я рада, что вернулась, что теперь я свободна, и совесть моя чиста!

– А если завтра он позовет тебя?

– Я этого зова просто не услышу. Да он и не позовет. Он же прекрасно понимает, как поступил со мной. Ему смертельно стыдно, и он никогда не сможет через это переступить.

– А я?

– Что ты?

– Ты совсем меня не любила?

– Любила, Ваня. И первое время жутко тосковала. Но ты же сам сделал выбор. И ведь ты не пропал тут, у тебя вроде бы все хорошо, ты преуспеваешь, у тебя сыновья, жена, у тебя все неплохо, Ванечка. Так что твою жизнь я не сломала.

– Ты свою жизнь сломала, Женька!

– Да нисколько! Я профессионал, у меня два высших образования, я исполнила свой долг перед мамой и братом, и я вернулась в родной город. Я еще не старая, у меня, можно сказать, все впереди... Я вот даже имидж сменила... – рассмеялась я.

– Ты просто хорохоришься, Женька!

– Ерунда! Я просто радуюсь жизни и свободе! Ты не пове-ришь, но сейчас, на выходе из сортира, два мужика чуть шеи себе не свернули при виде меня, у обоих челюсти отвисли...

– И тебя это радует?

– А ты как думал? Конечно!

– Скажи, а почему ты не осталась в Штатах?

– А потому что это все-таки не моя страна. Хотя мне даже предлагали там прекрасную работу. Но я вышла однажды в сад, увидела колибри...

– У тебя в саду водились колибри?

– Да. И я их обожала, а в один прекрасный день вдруг у меня родилась такая строчка в мозгу: «Прощайте, колибри, хочу к воробьям!» И сразу заказала билет во Франкфурт.

– А что, в Америке нет воробьев? – улыбнулся он.

– Почему? Есть. Но в России нет колибри.

– Странная ты, Женька! Но я все равно тебя люблю.

– Вань!

– И не переставал любить. И как только у меня появился Интернет, стал искать всякие сведения о тебе, и многое находил... и в «Одноклассники» вечно лазил...

– И ничего там не нашел. Знаешь, на мой взгляд, эти социальные сети – только иллюзия жизни и общения. А я человек реальный. Я вот посидела тогда у Машки, это было так здорово... И вот сейчас сижу тут с тобой, можно сказать, пьянствую, и мне хорошо. Это реальное общение, я вижу тебя, ты видишь меня, и ты знаешь, что я – это я, а не какая-нибудь придуманная девица с чужой фото– и биографией. Все на чистом сливочном масле, как говорила мама. И поверь, Ванька, я вовсе не несчастная, и не надо меня жалеть... А кто из нас ни разу не сталкивался в жизни с предательством? Это жизнь, Ваня! А таких цыплят табака я сроду не ела, это просто мечта!

Он взял мои руки в свои.

– Жень, я... я хочу тебя.

– Даже и не думай!

– Но почему?

– По кочану!

Константин все время думал об этой странной Жене. Надо же так преобразиться...

– Костя, что с вами? – спросила Алёна.

– Да башка что-то раскалывается, – пробормотал он.

– А вы знаете, я не смогу сегодня с вами кутить.

– Почему? – едва сдержав вздох облегчения, спросил он.

– Я совершенно забыла, что у меня в шесть важная встреча. Просто в первый момент слегка голова закружилась, а сейчас встала на место.

Ох, умная девка, молодец, подумал он. Вот и славно, вроде как она мне отставку дала, выходит, я никого не обижу. Но соблудности приличия все же надо, не уличное же знакомство.

– Как жаль, Алёнушка! Но, может быть, в другой раз?

– Почему бы и нет?

– Дадите ваш телефон?

– Пожалуйста! – Она вытащила из сумочки визитку. Он достал из бумажника свою.

Обменялись многообещающими улыбками.

А ему нестерпимо захотелось еще разок глянуть на эту Женю. Может, все не так уж и прекрасно?

И стоит приударить за прелестной Алёнушкой? Тем более она намного моложе вроде бы... Он встал и прошел по залу для некурящих, где они и сидели. Ее там не было. Он вышел в другой зал и сразу увидел ее. Она сидела за столиком с элегантным мужчиной.

У него было приятное интеллигентное лицо. Он держал ее руки в своих и что-то страстно говорил ей. Она ласково улыбалась ему, но страсти на ее лице не читалось. Но улыбка у нее завораживающая...

И вообще... Обворожительная женщина! Совершенно не похожая ни на одну из многочисленных красоток, которым он посвятил большую часть своей мужской жизни. Ему вдруг показалось, что он что-то безвозвратно потерял. Что многие годы потрачены зря. Стало вдруг так жалко себя... И встреча с Женей тогда, в кафе, вдруг показалась поворотным пунктом в жизни. Красотка-блондинка сунула ему под нос бриллиантовую браслетку и принесла любимого кота, поставив в безвыходное положение. А другая, настоящая, протянула ему руку помощи, практически спасла, а он ее даже не заметил... Принял предложенное одолжение как нечто само собой разумеющееся...

И вот теперь жизнь ему мстит. А ведь это интересно – посмотреть на женщину другими глазами, разглядеть в ней то, что не видно с первого взгляда...

И дело вовсе не в эффектной внешности, там наверняка еще такие глубины могут открыться... хотя, чего греха таить, не выгляди она столь эффектно, я бы ею все равно не заинтересовался. Потому что дурак. Прав отец. И если бы она сейчас сидела не с мужиком, который только что из штанов не выпрыгивает, а, допустим, с подругой, я бы тоже так не воспламенился. Выходит, я самый примитивный самец. Но это хорошо в ранней молодости, а на пятом десятке как-то неправильно, что ли...

Между тем свадебный обед подошел к концу. «Молодые» спешили в аэропорт.

– Анна Михайловна, папа, от всей души желаю хорошего путешествия!

– Спасибо, Костя! – улыбнулась Анна Михайловна.

А Петр Николаевич обнял сына.

– Позвоните, когда соберетесь возвращаться, если смогу, непременно встречу!

– Мы еще не улетели, а ты уже о возвращении, негодяй! – рассмеялся Петр Николаевич.

Подруга Анны Михайловны взглянула на Константина с плохо скрытым презрением. Потенциальные тещи вообще всегда его терпеть не могли. Видно, точно чувствовали, что так и останутся потенциальными. Алёна слиняла уже час назад. А Женя со своим кавалером по-прежнему сидела за столиком. И сейчас уже смотрела на мужчину даже с нежностью.

«Мы ее теряем» – прозвучала в мозгу фраза из американских медицинских сериалов. Но тут же всплыла спасительная мысль – у меня же есть Пафнутий! Она передавала ему привет. Так что мешает мне, допустим, завтра позвонить ей и передать нежнейший привет от Пафнутия? Еще ничего не потеряно. Наоборот, все еще только начинается! Он вышел из ресторана, поймал машину, вопреки обыкновению сел сзади и закрыл глаза. Черт возьми, как хорошо... Видно, эта Женя мне послана судьбой. Второй раз жизнь сталкивает нас совершенно случайно. И это ведь неспроста...

– Женя, поверь, я на все готов!

– На что ты готов, Ванечка?

– Одно твое слово – и я уйду из семьи, мы опять поженимся и...

– Нет, Ваня, этого слова ты от меня не дождешься.

– Ты такая благородная, да? – Он уже здорово захмелел.

– Дело не в благородстве, просто нельзя дважды войти в одну реку...

– О, это уже совсем другая река!

– Но течет-то по тому же руслу!

– И опять не права... И к чертям все эти веками проверенные банальности! Мы не прожили нашу жизнь, не прожили нашу любовь... И теперь выпадает такой шанс...

– Прекрати! Я не желаю даже слышать об этом!

– То есть ты меня не любишь!

– По-видимому, так, Ванечка.

– Но ты не уверена?

Я промолчала. Мне не хотелось его обижать, но за эти часы я отчетливо поняла, что отношусь к нему с огромной нежностью, но уже не люблю. Выгорела моя любовь. Я никого сейчас не люблю, но, кажется, готова к новой любви... Голос разума говорил мне, что этой новой любви я могу и не встретить, но возвращаться к старой нет ни малейшей охоты. Я ведь все начала заново, с нуля, так при чем тут Ваня?

Утром мне позвонила какая-то женщина.

– Извините, я могу поговорить с Евгенией Истоминой?

– Я вас слушаю.

– Здравствуйте, Евгения. С вами говорит помощник дирижера Фархада Закирова.

– О! – вырвалось у меня.

– Фархад очень хотел бы с вами увидеться, у него есть к вам деловое предложение.

– Какое? – удивилась я.

– Деловое. Но я подробностей не знаю. Мне просто поручено договориться с вами о встрече, Фархад очень занят, у него сегодня концерт в Большом зале. Если вы не против, он оставит вам билет и просит после концерта зайти к нему. Там он сам все вам расскажет. Вы согласны?

– Да, я с удовольствием.

– Тогда билет будет оставлен на ваше имя у администратора. Если вы хотите пойти с кем-то, то два билета.

– Нет, спасибо, два не нужно.

– Отлично, значит, я так и передам Фархаду, что вы придете.

– Разумеется.

Надо же, Фарик! Когда-то мы вместе учились в консерватории, я на фортепьянном, а он на дирижерском.

Веселый, талантливый и удивительно красивый парень. Мы частенько встречались в одной компании, однажды он даже пригласил меня на свидание, но я отказалась. Я была уже тогда без памяти влюблена в Ваньку, и изысканная

восточная красота Фарика меня совершенно не привлекала. Он, надо сказать, нисколько не обиделся. Со временем он стал отличным дирижером. Гастролировал по всему миру, насколько мне известно, у него была квартира в Амстердаме, он там одно время дирижировал в Оперном театре и был женат на голландке. Помню, кто-то из общих знакомых говорил мне, что они довольно быстро расстались. Человек, рассказывавший об этом, спел: «Узбек и голландка, они, если честно, не пара, не пара, не пара!» А я тогда не поняла, не знала этой песенки про дельфина и русалку. Меня просветили, и я долго смеялась. А лет пять назад Антон давал концерт в Мадриде, и Фарик пришел на концерт, восхищался игрой Антона... Ох, я буду рада его видеть!

По возвращении в Москву я еще ни разу не была в консерватории, боялась, но это глупо, и вот сегодня я наконец преодолею этот барьер.

В конце концов, консерватория связана для меня не только с Антоном, но и со многими другими людьми, и не самыми плохими. С Фариком, например. И с моим педагогом Медеей Александровной, замечательным человеком. К сожалению, ее уже нет в живых. И какое это у Фарика ко мне деловое предложение, хотела бы я знать? Что ж, сегодня и узнаю. Да, кстати, надо привести себя в порядок, чтобы не ударить лицом в грязь перед старым другом, да мало ли кого еще я могу встретить в Большом зале... Я вспомнила все советы

стилиста, который со мной работал, и свято их выполнила. Получилось очень даже недурно. Среди шмоток, купленных во Франкфурте, было чудесное черное платье с большим белым воротником и белой оторочкой на небольшом разрезе внизу. Очень элегантно и вполне соответствует случаю. Я хотела заказать такси, но где гарантия, что не попаду в пробку? Поэтому поехала на троллейбусе. Едва свернув на улицу Герцена, ныне Большую Никитскую, я начала волноваться, и чем ближе подходила к своей альма-матер, тем сильнее колотилось сердце. О, а вот и Петр Ильич сидит! И как всегда, возле него топчутся в ожидании самые разные люди. Вон шикарная дама лет пятидесяти нервно ходит взад и вперед. Паренек со скрипкой то и дело поглядывает на двери Малого зала. Немолодой мужчина сердито озирается по сторонам. Ничего тут не изменилось, жизнь продолжается! Спрашивают лишний билетик, значит, Фарик и в Москве имеет успех. И очень много молодежи. А кто-то говорил, что в Москве молодежь не жалуется симфонические концерты. Так это смотря какая молодежь. Ах, хорошо! Так, а какая сегодня программа? Ага, Малер! Отлично! Я получила свой билет, вошла в вестибюль. Когда-то я знала здесь всех гардеробщиц... Я сняла пальто, поправила прическу перед зеркалом и стала медленно, едва справляясь с волнением, подниматься по лестнице. Почему-то вдруг вспомнилась одна история, рассказанная Медеей Александровной. В шестидесятых годах в Большом зале давал несколько концертов великий Герберт

фон Караян. Попасть на концерты было практически невозможно, студенты как только ни исхитрялись, но вокруг стоял плотный милицейский кордон. И все-таки одному парнишке как-то удалось прорваться, милиционеры погнались за ним и схватили уже наверху. Церемониться не стали, сшибли с ног и поволокли вниз, голова парня билась о ступени. И вдруг к ментам подскочил композитор Кабалевский и стал на них орать: «Немедленно отпустите парня! Здесь консерватория, а не застенки КГБ!» И они, как ни странно, подчинились. Высокий тощий старик с совершенно седой головой, видно, произвел на них впечатление. «Знаете, – говорила нам, студентам, Медея Александровна, – я никогда не считала Кабалевского большим композитором, но как человека я его за- уважала безмерно!» Вот такая вот история. А паренек тот все-таки попал на концерт, его провел все тот же Дмитрий Борисович.

Фарик оставил мне билет в двенадцатый ряд. Зал встретил его бурными аплодисментами. Боже, до чего ж он красив, а как сидит на нем фрак! Как здорово он держится, с достоинством и в то же время немного царственно. Молодец, Фарик! Оркестр у него звучит отменно! Не могу сказать, что Малер мой любимый композитор, но я наслаждалась! В антракте вышла в фойе. Надо же, ни одного знакомого лица. И довольно много странной публики. Не в меру расфуфыренные дамы, мужики такие, что им, по-моему, кроме «Мурки» вовек ничего не надо. Что они здесь делают? Зачем им Ма-

лер? Или дело не в Малере, а в том, что попасть на концерт Фархада Закирова считается престижным? Скорее всего. А он и вправду стал первоклассным дирижером. Когда он раскланивался и поднимал оркестр, очень пожилая дама рядом со мной шепнула своей подруге, тоже весьма немолодой:

– Танечка, ну до чего же он красив!

– Не стану спорить, Люся. Хорош! Но главное все-таки очень – талантлив!

– Ну, это само собой...

Аплодисменты еще звучали, а я уже выбралась из зала и пошла за кулисы. Там, как обычно, толпился народ. А Фарик, видимо, еще раз вышел на аплодисменты. Но вот и он, с букетом красных роз.

– Женька! – воскликнул он, сразу выхватив меня взглядом. – Женечка, дорогая моя, как я рад! – Он сунул мне в руки букет и расцеловался со мной. Люди вокруг недоумевали: что это за женщина, откуда взялась?

– Жень, подожди меня минут пятнадцать, я со всеми тут разберусь... – И он подмигнул мне, как подмигивал когда-то в юности. – У меня к тебе очень важное дело!

– Ладно, Фарик, подожду!

Ждать пришлось около получаса, но я никуда не торопилась.

– Простите, а вы кто? – спросила меня какая-то женщина лет пятидесяти.

– В каком смысле?

– Ну, вы... журналистка?

– Нет.

– Музыковед?

– Нет-нет.

– Вы его... знакомая?

В вопросе слышался подтекст: «Вы с ним спите?»

– Мы вместе когда-то учились.

– А! – Она утратила ко мне интерес. Кто она такая, меня не слишком занимало.

– Жень! Ты где раздевалась? – спросил Фарик, продолжая беседовать с каким-то старичком.

– В гардеробе. А что?

– Возьми ключи, синий «БМВ», номер 263, оденься и жди меня в машине, сама видишь, что тут...

Вот даже как! Мне доверяют синий «БМВ», про себя рассмеялась я. Помню, мы были тогда студентами, и парни наши мечтали о машинах... Кто-то непременно хотел «мерседес», кто-то «крайслер», а Фарик всегда хотел «БМВ». Он верен своим пристрастиям.

Я нашла синий «БМВ», открыла и села.

Будь Фарик певцом, меня бы сейчас растерзали его поклонницы, а дирижер все-таки куда более спокойная профессия. Я прождала минут десять. А вот и он!

– Женька, родная! Как я счастлив тебя видеть! – Он уже успел переодеться, а портплед с фракком аккуратно повесил на крючок. – Ну, поехали ужинать, я после концерта умираю

с голоду! Ты изумительно выглядишь, Женька!

– Ты тоже, Фарик! Просто неотразим во фраке.

– А без фрака хуже? – засмеялся он.

– Без фрака тоже ничего! Как ты меня нашел?

– Прости ради бога, что не сам тебе позвонил, но твои координаты попали ко мне в последний момент...

– Да ерунда! Знаешь, я не слишком люблю Малера, но сегодня получила громадное удовольствие, ты что-то с ним такое сделал...

– Потому что я его безумно люблю!

– Это чувствуется. Короче, спасибо за чудный концерт. А куда мы едем?

– В одно хорошее местечко, где нам никто не помешает и где вкусно кормят!

– Ах, какой плов ты когда-то готовил!

– Вот пловом я тебя и накормлю!

– Собственного приготовления?

– Нет, что ты! Там плов в миллион раз лучше моего! Это ресторанчик одного моего родственника.

– Миллион лет не ела плова!

– Женька, я тебя обожаю! Если б ты сказала, что в такое время есть плов вредно, я был бы страшно разочарован!

– Ничего не вредно, если запивать зеленым чаем!

– Зришь в корень! Узбеку плов хорош в любое время суток!

– Звучит как стихи! Фарик, а ты где сейчас постоянно жи-

вешь?

– В Москве и отчасти в Амстердаме. А гастролирую практически по всему миру. Не женат!

– А это мне зачем знать?

– Ну, мы же будем вместе работать.

– Фарик, я ничего не понимаю!

– Ну, пока не приехали, вкратце: моя помощница, которая тебе звонила, через месяц должна родить. Не от меня! Я был в панике, искал ей замену, но все было не то. И вдруг она сама мне говорит о тебе, нашла твое резюме. Я обрадовался как ненормальный! Жень, ты еще ничего другого не подыскала?

– Нет, Фарик, не подыскала.

– И ты согласна со мной работать?

– А что мне надо будет делать?

– Жень, я думаю, ты это знаешь даже лучше, чем я. Я совершенно не в состоянии сам заниматься администрированием, пиаром и прочая, прочая... Мне нужна правая рука, вторая, ведь в первой я держу дирижерскую палочку. Ты согласна стать моей второй правой рукой? У тебя же огромный опыт.

– Мне надо будет ездить с тобой по миру?

– Да. Иначе не получится. А тебя это смущает?

– Нет.

– Ты будешь получать определенный процент от моих гонораров, поверь, это совсем неплохо.

– Верю.

– И потом, очень важно, чтобы человек, с которым приходится столько времени проводить вместе, не раздражал. Согласна?

– А ты уверен, что я тебя раздражать не буду?

– Уверен, – улыбнулся он. – А вот мы и приехали!

Это был узбекский ресторан, где нас встретили с невероятным радушием, провели в маленький зальчик, где стояли низкие диваны, лежали ковры и пахло не едой, а, похоже, кальяном, поскольку на маленьком столике стояло несколько кальянов. Никогда не курила кальян. Надо будет попробовать.

Фархад расцеловался с каким-то мужчиной в узбекском халате и тюбетейке.

И нам почти сразу принесли большой синий чайник и пилалы.

– Будешь чай? – спросил Фарик.

– Конечно.

Чай оказался удивительно вкусным и ароматным.

– Скажи, Фарик, а у тебя менталитет не очень восточный? – поинтересовалась я.

– То есть? – страшно удивился он.

– Ну, я не знаю... просто я хотела бы, что называется, договориться на берегу...

– А, я понял, – рассмеялся он. – Ты хотела спросить: не стал ли я восточным деспотом, не буду ли унижать твое до-

стоинство европейской женщины, так?

– Ну, в общих чертах...

– Женька, ты что, совсем меня не помнишь? Я вырос в Москве, мой педагог был из старой московской интеллигенции, мой отец учился в МИФИ и работал с Келдышем, а мама была врачом-акушером. О чем ты, Женька? И кстати, мама моя была наполовину русской. Так что с этой стороны тебе ничего не грозит!

– А с какой грозит?

– Ну, я бываю иногда невыдержанным, могу вспылить, могу накричать, правда, потом всегда прошу прощения.

– Ну что ж, Фарик, можно попробовать.

– Отлично, Женька!

– Да, Фарик, еще вопрос. Мне придется охранять тебя от... твоих поклонниц? Не сомневаюсь, их толпы...

– С чего ты взяла?

– Ну я же не слепая!

– Что ты хочешь сказать? Что девицы кидаются на меня, как на тенора или, на худой конец, баритона? – рассмеялся он. – Нет, Женечка, этой проблемы у меня пока нет и, я надеюсь, и не будет. И сразу скажу: у меня есть любимая женщина, она русская, но живет в Англии, она замужем, у нее ребенок. Это грустная история, как-нибудь я расскажу тебе о ней. Поэтому охранять меня не нужно. А вот защищать мои интересы необходимо. И если ты согласна, то прямо завтра Аллочка передаст тебе все мои договоры. Я хочу, чтобы ты

просмотрела их с точки зрения юриста. Возьмешься?

– Возьмусь, Фарик! Сказать по правде, я даже мечтать не смела о такой работе. Это как раз то, что я умею. И работать с тобой... это отличная возможность. У меня о тебе самые лучшие воспоминания, и, я вижу, ты не испортился за эти годы. Ну или, по крайней мере, мне так кажется.

– В таком случае, договоримся так – я послезавтра улетаю во Францию, оттуда в Израиль, потом возвращаюсь, и мы летим в Амстердам, я там ввязался в один довольно авантюрный проект, сам еще не знаю, что из этого выйдет и выйдет ли вообще. Короче, у меня есть друг, он помешан на идее продвижения русской оперы, начать решили с «Иоланты». Ты бывала в Амстердаме?

– Два дня.

– О, это считай не была! Тебе понравится, чудесный город. Иными словами, через десять дней будь готова. У меня там большая квартира, но ты будешь жить в отеле неподалеку во избежание ненужных толков.

– Правильно!

– Ну вот видишь, мы понимаем друг друга.

– Похоже на то.

– А ты стала осторожная, Женька.

– Жизнь научила.

– Я наслышан.

– Не будем об этом.

– Не будем. А вот и чудо-плов! Женья, плов надо есть ру-

ками!

– Извини, Фарик, не могу!

– Но тебя не смутит, если я буду придерживаться этой традиции?

– Нисколько!

Ах, как красиво и изящно он это делал! Казалось бы, слово «изящество» неприменимо в этой ситуации, но это было именно так – необыкновенно изящно. Но я все же пользовалась вилкой. Плов и вправду был выше всяких похвал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.